

ФИЛОСОФИЯ

*Елена Николаевна ЯРКОВА —
профессор кафедры философии,
доктор философских наук*

УДК 303.1

МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОПЫТ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

АННОТАЦИЯ. В статье репрезентируется оригинальная классификация методов гуманитарных исследований.

The author focuses upon epistemological systematization as one of methodological classification.

Проблема поиска метода исследований для российских гуманитариев сравнительно нова. Значительную часть XX столетия господствующие позиции в отечественной науке занимала марксистская методология в ее упрощенных ленинско-сталинских интерпретациях. Любое отступление от принципов диалектического и исторического материализма котирировалось как ревизионизм, пособничество «буржуазной науке». Соответственно методологические штудии ограничивались изучением классиков марксизма-ленинизма, а проблемы конструирования эпистемологических оснований исследования как таковой не существовало. Эта проблема актуализировалась в постсоветской российской науке — крушение идеологических барьеров, устранение теоретической монополии марксизма-ленинизма открыло перед представителями российского научного сообщества огромное пространство мировой теоретической мысли, поставило перед исследователем-гуманитарием новую для него задачу эпистемологического самоопределения. Необходимо констатировать, что далеко не все российские гуманитарии оказались подготовленными к испытанию методологическим плюрализмом. Отказ от абсолютизации исторического и диалектического материализма, длительное время квалифицируемого как единственная подлинно научная методология, обернулся общей хаотизацией научной культуры, широким распространением такого деструктивного для науки явления, как методологический эклектизм. Методологическая анархия, царящая в умах значительной части современных российских гуманитариев, становится причиной таких достаточно заметных в массовой науке негативных тенденций, как снижение теоретического уровня исследований, экспансия дилетантизма. Распространены случаи, когда, скажем, дипломник или аспирант попросту не знает, что же ему писать в графе «методологическая основа исследования», эта графа заполняется постфактум, формально. Между тем выбор методологических параметров исследования — важнейшее условие его эффективности и весомый залог творческого успеха. Лексе-

ма «метод» в переводе с греческого означает путь, соответственно деятельность исследователя, не вооруженного адекватным исследуемому объекту методом, можно рассматривать как путешествие без маршрута, хаотичное блуждание в лабиринтах фактов. Каким же образом можно изменить сложившуюся ситуацию? Как овладеть сокровищницей, в которой, быть может, и не хранятся разгадки всех тайн, но, тем не менее, сконцентрирован мировой научный опыт способов их постижения?

Представляется очевидным, что для овладения методологическим арсеналом, которым располагают современные гуманитарные науки, также необходим некоторый метод. Автор этих строк убежден, что наиболее эффективным методом решения поставленной задачи является метод системного анализа, предполагающий сопряжение трех плоскостей: историко-генетической, структурной и функциональной.

Методология гуманитарных исследований: историко-генетический аспект.

Представление о методологической специфике гуманитарных наук формируется сравнительно недавно — в начале XX века. Тем не менее истоки традиции выделения в интеллектуальной культуре специфической гуманитарной формы знания можно обнаружить в античности. Словосочетание «гуманитарные науки» восходит к сформулированному Цицероном выражению «*studia humanitatis*». Понятие «*studia humanitatis*» рождается как латинский вариант древнегреческого термина «*paideia*», означающего воспитание и образование человека [1]. В античной культуре бытовали представления, согласно которым решающую роль в формировании духовной природы человека играют словесность, поэзия, риторика, история и философия. Конечно, понятие «*studia humanitatis*» в древнеримской культуре использовалось не в узкоспециальном — науковедческом, но в широком — мировоззренческом смысле как «культивирование человечности» [2].

В интеллектуальной культуре ренессанса эти античные идеи наполняются особым пафосом. Симптоматично, например, что термин «гуманист» использовался идеологами Возрождения для обозначения профессии учителей грамматики, риторики, поэзии, истории и философии морали, а сама эта профессия рассматривалась как деятельность государственного масштаба, направленная на преобразование общества на началах политических свобод.

В эпистемологии Нового времени зримым становится стремление очистить гуманитарное знание от налета средневекового спиритуализма, придав ему характер строгой научности. Вместе с тем эталоном научности выступает естествознание. Заметная тенденция нововременной научной культуры — экспансия методов точных наук в гуманитарную сферу. Эта тенденция достигает своего пика в позитивистских, натуралистических по своему духу концепциях науки.

Объединяющее многих, принадлежащих к различным школам и направлениям, мыслителей, стремление понять особый, присущий только гуманитарному знанию, характер научности появляется лишь в конце XIX века. Это стремление инициировало широкую дискуссию начала XX века, в процессе которой формируется представление о принципиальном отличии методологии гуманитарных наук от методологии естествознания. Один из участников исторического спора В. Дильтей разделял науки на две группы — науки о природе (*Naturwissenschaft*) и науки о духе (*Geisteswissenschaft*). При этом в качестве основания дистинкции наук о природе и наук о духе ученый полагал различие их предметных областей. Науки о природе, по Дильтею, сосредоточены на изучении внешних по отношению к человеку явлений, тогда как науки о духе призваны изучать внутренние переживания, цели и ценности человека [3].

Принципиально иной принцип демаркации наук формулирует В. Виндельбанд, утверждающий, что следует классифицировать науки в соответствии с их методом, а не с их предметом. По Виндельбанду, научные дисциплины делятся на номотетические, выявляющие общие законы и идеографические, фиксирующие индивидуальное, особенное. Предлагаемая В. Виндельбандом дифференциация наук, не совпа-

дает с различением наук о природе и наук о духе, поскольку и те и другие могут прибегать как к номотетическому, так и к идеографическому методам. Тем не менее, речь может идти о предпочтениях, исторические науки, по Виндельбанду, не могли бы существовать без идеографического метода [4].

Методологические изыскания двух великих культурфилософов синтезирует мыслитель, которому принадлежит идея выделения специфической области научного знания — «наук о культуре». Речь идет о Г. Риккертe. Термин *Kulturwissenschaft* — «науки о культуре» представитель фрайбургской школы неокантианства вводит взамен представляющегося ему неадекватным понятия *Geisteswissenschaft* — «науки о духе». Именно культура как совокупность объектов, в которые заложены общезначимые ценности, в видении Риккерта, противостоит природе, тогда как дух, в его психической форме, может рассматриваться и как часть природы. Различие наук о природе и наук о культуре, по мнению Риккерта, носит принципиально методологический характер и заключается в том, с какой точки зрения рассматривается исследуемый объект. Науки о природе видят в своих объектах бытие, свободное от всякого отнесения к ценности, их цель — изучить общие законы этого бытия, поэтому они склонны отвлекаться от всего индивидуального как несущественного, прибегая к генерализирующему методу. Науки о культуре исследуют объекты, имеющие отношение ко всеобщим культурным ценностям, их цель — выявить своеобразное, особенное, ибо значение культурных процессов покоится в большинстве случаев именно на их особенностях и своеобразии. Соответственно ведущим методом наук о культуре является индивидуализирующий метод [5]. Значение сформулированных Г. Риккертом идей трудно переоценить, поскольку считается, что именно в риккертовской философии культуры концептуально оформляется научная традиция выделения специфической — гуманитарной ветви научного знания. Однако необходимо сразу оговориться, что, сохраняя сам принцип дифференциации наук на естественные и гуманитарные, современная философия науки тем не менее радикальным образом пересматривает критерии этого разделения. На смену эссенциалистскому способу мысли в анализе научного знания, суть которого заключается в выявлении некоторой надисторической, онтологически или гносеологически заданной, абсолютной основе различения наук приходит экзистенциальный способ мышления, в русле которого формируется представление о социокультурной обусловленности дисциплинарной структуры науки, рождается убежденность в том, что спецификация научного знания связана с ростом сложности и многообразия общества и культуры с формированием потребности в адекватных сложившейся сложности способах их изучения. Такого рода мыслительный поворот ведет, во-первых, к формированию представлений об отсутствии жесткой, раз и навсегда заданной дифференциации научного знания, с другой стороны, он рождает убеждение, что онтологический и гносеологический критерии этой дифференциации должны дополняться социокультурным — «популяционистским». Исходя из такой позиции выделение гуманитарных наук в специфическую область знания обусловлено не только и не столько даже объективным наличием специфических предметов и методов этой группы наук, но и формированием субъективной потребности и готовности научного сообщества и общества в целом осмыслить это наличие. Таким образом, социокультурные процессы начинают рассматриваться как системообразующие, а когнитивные структуры — как коррелирующие с социальными структурами [6]. Феномен самоопределения гуманитарных наук можно метафорически в духе Тойнби интерпретировать как ответ интеллектуальной элиты общества на вызов истории. Скажем, уже упомянутый методологический спор начала XX в. был подготовлен развитием «немецкой исторической школы», деятели которой (Л. Ранке, Я. Гримм, Я. Буркхардт и др.) своим историческим созерцанием хотели служить современным интересам своей нации, ее возрождению при помощи гуманистического образования [7]. Гуманитарные науки

тесно связаны с той конкретной культурой, в рамках которой они развиваются. Национальная специфика гуманитарных наук, по свидетельству аналитиков, проявляется в тех сложностях, которые происходят при переводе словосочетания «гуманитарные науки» на европейские языки. Во Франции бытует понятие «*sciences de l'homme*» («науки о человеке»), в Германии более распространен концепт «*Geisteswissenschaft*» («науки о духе»), в Англии фразеологизму «гуманитарные науки» соответствует термин «*the arts*» (в дословном переводе «искусства»), в США — «*the humanities*» («гуманитарии») [8].

В России термин «гуманитарные науки» входит в оборот в культуре «серебряного века» [9]. Появление этого термина было обусловлено активизацией процессов, либерализацией российского общества и, соответственно, актуализацией гуманистической проблематики. Симптоматично, что в советский период термин «гуманитарные науки» отодвигается на периферию интеллектуального дискурса, уступая место понятию «социальные науки», что также имело причины социокультурного характера, было связано с общей деперсонализацией культуры, нивелированием личности, ее растворением в социуме, подавлением человека коллективистским началом, «заслонением классом» (Н. Бердяев).

Широко пролонгируемая различными государственными и неформальными структурами в современной России идея гуманитаризации образования также не возникла на «пустом месте». Она является частью общей тенденции либерализации общества, трансформации его нравственных ориентиров: отмиранию нравственности авторитарного типа, в рамках которой власть определяет, что хорошо для человека и устанавливает законы и нормы его поведения и становлению нравственности гуманистического типа, в рамках которой человек сам является законодателем и исполнителем норм...» [10]. Такого рода нравственная метаморфоза не только повышает статус гуманитарных наук, но и значительно изменяет само представление о процессе научного творчества. В частности, она делает очевидным тот факт, что нет и не может быть некоторого универсального метода гуманитарных наук, в силу не только и не столько даже многогранности, многомерности объекта гуманитарных исследований, сколько в силу того, что исследователь не является послушным исполнителем заданных канонов научного творчества, он является творцом. Методологический плюрализм как исходная предпосылка исследовательской деятельности есть важнейшая особенность современного понимания сущности научного творчества, которое осмысливается как процесс самоорганизации — синтеза имеющегося теоретического опыта и инновационных подходов, когнитивных практик. В. Библер рассматривает творчество как общение с потенциально бесконечным количеством разнообразнейших результатов творчества людей, имевших место в любых эпохах [11]. Объединяющей основой этого процесса может быть только диалог, как принцип, организующий, соединяющий различные аспекты исследовательской деятельности.

Структура научного метода.

Анализ научного метода принято начинать с выяснения — что же такое метод, каковы его сущностные характеристики. Мы опустим эти моменты, ввиду того, что связанную с ними информацию можно почерпнуть из общедоступной сегодня литературы по философии и методологии науки. Остановимся на проблеме структуры научного метода, без понимания которой невозможно представить устройство всего здания методологии наук о культуре.

Научный метод — сложное многоуровневое образование, включающее разнообразные исследовательские процедуры, эвристические технологии, когнитивные практики [12]. В современной науке сложилась традиция выделения в структуре научного метода следующих уровней: общелогического, общенаучного, частнонаучного, дисциплинарного и философского. Каково их конкретно-инструментальное наполнение?

Общелогический уровень включает такие логические процедуры как анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, индукция, дедукция, абдукция, аналогия, моделирование... Эти процедуры, в определенном смысле, общеобязательны для любого научного исследования, хотя бы потому, что сам научный текст строится по законам логики.

В связи с этим представляется очевидным, что при определении методологических оснований исследования ссылка на то, что этим основанием являются методы анализа, синтеза, абстрагирования и т. д., необязательна. При отсутствии соответствующих методологических конкретизаций такая ссылка воспринимается как тавтология, поскольку нет и не может быть научного исследования без анализа, синтеза и т. д.

Общенаучный уровень включает такие эмпирические технологии исследования как наблюдение, описание, сравнение; а также теоретические способы упорядочения материала: формализация, аксиоматизация, гипотетико-дедуктивный метод. Понятно, что и эти процедуры являются атрибутивной принадлежностью научного метода. Однако здесь возможны некоторые предпочтения, которые задают основу первичной общенаучной классификации методов, в частности, выделения двух методологических традиций рационализма и эмпиризма.

Частнонаучный уровень включает специфические методы и подходы, применяемые в рамках некоторой группы научных дисциплин. Наиболее глобальными такими дисциплинарными группами являются науки о природе — естественные науки и науки о человеке, обществе, культуре — гуманитарные науки. Методология гуманитарных наук — сложное гетерогенное образование. История формирования гуманитарного знания есть история поиска путей постижения таких сложных феноменов как человек, общество, культура. Одни методы приходили на смену другим, тем не менее другие не исчезали бесследно как окончательно обанкротившиеся. Спецификой гуманитарного знания является «неснимаемость одних методов другими», поскольку и сама культура организуется не по принципу обобщения, но по принципу общения» (Библер). Это рождает закономерный вопрос — каким же образом можно структурировать существующее методологическое разнообразие?

Очевидно, что принципы упорядочения методов гуманитарных исследований могут быть различными. Например, методы могут быть организованы в порядке их хронологического возникновения, при этом частные методы могут быть объединены в крупные исторически сформировавшиеся комплексы — методологические парадигмы. Можно изучать методы по персоналиям, например, метод К. Леви-Стросса или метод М. Вебера, здесь также есть путь к более глобальному обобщению, скажем, по школам. Все эти и другие возможные способы имеют свои плюсы, но важнейшим их минусом является отсутствие целостных представлений об архитектуре всего здания методологии гуманитарных наук. Целостное представление может быть сформировано на основе системного упорядочения методов, в рамках которого методы были бы представлены не в диахронном, а в синхронном срезе, соответственно, объединены в крупные блоки были бы не авторы, а сами методы.

Анализ различного рода литературы позволяет выделить следующие методологические блоки:

Методологический натурализм	//	Герменевтика
Позитивизм (неопозитивизм, постпозитивизм).	//	Феноменология
Прагматизм	//	Аксиология
Структурный функционализм	//	Структурализм (постструктурализм).
Эволюционизм (неоэволюционизм)	//	Культурно-исторический подход
Теория самоорганизации (синергетика).....		

Расположение блоков попарно неслучайно. Любопытно проследить логику актуализации тех или иных методов в научной культуре. Скажем, герменевтика выд-

вигається в результаті критики натуралістических підходів, осмислення того, що отнюдь не об'яснення, а розуміння являється методологічною процедурою, відповідає специфіці гуманітарного знання. Позитивізм, в свою чергу, народжується як антипод феноменологічних підходів. Якщо останні роблять ставку на виявлення деякого інтенціонального змісту культурних феноменів, то перший концентрує свої зусилля на вивченні фактуального світу, суворої логіці упорядкування фактів. Прагматизм і аксіологія також являють собою дві контрадикторні позиції вивчення людини, суспільства, культури — ціннісну і діяльнісну. Протилежні об'яснювальні схеми висувають структурний функціоналізм і структуралізм. Структуралізм базується на уявленні про первинність структури і вторинність функції, структурний функціоналізм ґрунтується на протилежній позиції. Нарешті, еволюціонізм і культурно-історический підхід висувають два діаметрально протилежних підходів до вивчення людини, суспільства і культури — універсалізм і партикулярізм. Лише теорія самоорганізації не має деякої методологічної пари, що пов'язано з тим, що список методів відкритий, він може і повинен бути продовжений. Таким чином, методи гуманітарних наук можна представити як систему дуальних опозицій. Розуміється, запропонована систематизація схематична і в достатній мірі умовна. Не всі методи безоговорочно можна віднести до того чи іншого блоку, тим не менше вона задає деякі пізнавальні орієнтири, які здатні полегшити процес освоєння методів гуманітарних наук. Цю схему необхідно сприймати як ідеальну модель пізнання, яка має інструментальне значення. На самому справі немає і не може бути чистого методу, будь-який метод — продукт синтезу. Необхідно, однак, звернути увагу на той факт, що методологічний синтез не є простим з'єднанням різних методів, він вимагає деяких спеціальних зусиль, нагадуючих зусилля селекціонера, скрещиваючого, сращиваючого різні породи рослин. Найважливішою умовою ефективності такого скрещивання є родова близькість різних методів. Очевидно, що родичами можна вважати методи, що стоять на наведеному схемі в одному ряду. Наприклад, достатньо органічно з'єднуються натуралістическі, позитивістські, прагматическі підходи. З'єднання належачих до різних рядів методів більш проблематично, вимагає формування деякої продуманої системи аргументацій.

Дисциплінарний рівень охоплює конкретно-наукові узкодисциплінарні методи і підходи, що застосовуються в окремих гуманітарних дисциплінах. Очевидно, що існують специфічні соціологічні, філологічні, лінгвістическі і т. д. методи і технології дослідження. Звичайно, межі між дисциплінарними методами достатньо прозорі. В сучасній науці типові випадки міждисциплінарного обміну методами.

Філософський рівень наукової методології являє собою світоглядний — онтологічний, гносеологічний, аксіологічний аспекти наукового методу. Існують методологічні традиції, в межах яких цей рівень елімінується, отрицается в силу його метафізичності, абстрактності, неперевіряемості фактами. Такого роду позиція не повинна викликати сумнівів по відношенню до правомірності виділення філософського компонента наукового методу, оскільки відмова від філософії — це теж визначена філософія. В уявленні сучасних філософів науки будь-яка методологічна конструкція ґрунтується на визначеному метафізическому фундаменті — під метафізикою розуміється «вчення про загальні, відірвані від конкретного існування речей і людей принципи, форми, якості буття» [13]. Являючи собою найбільш високий абстрактно-теоретический рівень узагальнення знань про світ, метафізика виконує евристическу функцію в процесі побудови теорій окремих наук, задає загальну схему концептуальних моделей наукових досліджень. Теорія науки без метафізических питань ближоруча, оскільки саме метафізика

призвана расширить горизонт исследования, раскрыть его онтологический смысл, показать ученому местонахождение исследуемой проблемы в системе иных проблем, высветить ее ценностные, этические и иные аспекты. В результате такого «светоносного» воздействия метафизики открываются новые, пребывающие прежде в тени грани исследуемой проблемы. Неразрывную связь науки и метафизики отмечают многие философы науки. М. Вартофский, например, утверждает: «Я считаю, что в каждой области научной практики самокритичный и вдумчивый ученый действует как метафизик. В процессе выдвижения и проверки концептуальных моделей в своей области ученый чаще всего оказывается метафизиком поневоле [14].

Функции научного метода.

Каковы же функции научного метода в свете уже упомянутой концепции его диалогичности? Хрестоматийным является определение, согласно которому главная функция научного метода — обеспечение научного познания апробированной технологией мышления, регулирование познавательного процесса на основе современного знания, сложившейся картины мира [15]. Такое определение в свернутом виде содержит в себе главную коллизию проблемы функционирования научного метода, суть которой заключается в том, что метод может быть надежным помощником, но может превратиться и в жесткого, не терпящего возражений диктатора. Не вызывает сомнений, что методологический хаос, как и строгий методологический порядок равно губительны для науки. Первый оборачивается выхолащиванием самой сущности научного знания, ведет к его скатыванию в околонучные рассуждения. Последний рождает феномен отчуждения — превращения метода из средства в цель. Единственный путь избежать подобного рода перекосов — это путь середины, меры, путь диалога. Творческий акт осуществляется в некотором промежутке между хаосом и порядком. Не существует универсальной логики открытия, как не существует формулы научного успеха. Творческий процесс всегда в определенной мере иррационален. М. Борн писал: «Я убежден, что в науке нет философской столбовой дороги с гносеологическими указателями. Нет, мы находимся в джунглях и отыскиваем свой путь посредством проб и ошибок, строя свою дорогу позади себя, по мере того, как мы продвинулись вперед» [16]. Поэтому цель гуманитарного образования не сводится к привитию готовых навыков, ею может быть только воспитание творческой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 2. Средневековье. СПб, 1995. С. 212-219.
2. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 196.
3. Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Собр. соч. Т. 1. М., 2000.
4. Виндельбанд В. Избранное. Дух истории. М., 1995.
5. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. // Культурология XX век: Антология. М., 1995 С. 69-104.
6. Огурцов А. П. Дисциплинарная структура науки: Ее генезис и обоснование. М., 1988. С. 217.
7. Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С. 236.
8. Серебряный С. Д. К истории русского словосочетания «гуманитарные науки» и его аналогов. Заметки филолога // Вестник РГГУ. 1996. № 3. С. 29-32.
9. Там же. С. 22-34.
10. Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 25.
11. Библер В. О. О гражданском обществе и общественном договоре // Через тернии к звездам. М., 1990. С. 357.
12. Лешкевич Т. Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 20-21.

13. Современный философский словарь / Под ред. д. филос. н., проф. В. Е. Кемерова. М., 1996. С. 282.
14. Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки. М., 1978. С. 109-110.
15. Лешкевич Т. Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 20-21.
16. Борн М. Эксперимент и теория в физике // УФН, 1958. Т. 66. Вып. 3. С. 374.

**Татьяна Иосифовна БОРКО —
докторант кафедры философии,
кандидат философских наук**

УДК 2-264

МИФОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ. ПРОБЛЕМА МЕТОДА

АННОТАЦИЯ. Автор рассматривает этапы становления метода исследований в области теории мифа (первоначально оформившейся в рамках религиоведческой науки). В статье анализируются различные подходы к изучению мифологии; определяются задачи и цели, возникшие в каждом из направлений (лингвистическая, эволюционистская, социологическая школы). Выявляются наиболее эффективные пути, открывающие возможности для философской интерпретации мифологических смыслов.

The author scrutinizes methodological history of myth theory that in its turn is deeply rooted in religion studies and analyses different approaches to myth studies including objectives of every school (linguistic, evolutionist and sociologist) which results in determining the most effective ways to philosophically interpret mythological semantics.

Перед каждым из авторов, обратившихся к изучению мифа, встает ряд неизбежных проблем, способных повергнуть исследователя в отчаяние. Прежде всего, невозможность определить, дифференцировать или хоть как-то обозначить объект, ускользающий от всяких дефиниций. В принципе, невозможно даже очертить его границы: слишком необозрима сфера его бытования. Мы говорим о мифе не только в связи с литературным сюжетом или в связи с системой религиозных воззрений в древних цивилизациях. Когда мы упоминаем о мифе в современных идеологиях или в научных парадигмах (древних или современных), мы вполне отдаем себе отчет, что это не метафорическое высказывание, а высказывание, выражающее суть описываемого явления.

Естественно, что в подобных условиях неопределенности очень трудно остановиться на какой-либо методологии. Чем больше самого разнообразного материала попадает в поле зрения исследователя, тем сложнее выбрать критерии анализа и категории для классификации. Неслучайно в последнее время появилось невероятное количество работ, посвященных историографии религиоведения (изучение мифологии проводится также в рамках этой дисциплины). Интерес к истории молодой науки (возникшей не так давно, во второй половине XIX в.), стремление наметить этапы ее развития свидетельствуют о потребности обозначить пути исследования, обнаружить наиболее эффективные методологические ходы, способы решения задач. Следует назвать имена Ю. А. Кимелева, анализирующего различные направления современной западной философии религии; А. Н. Красникова, М. М. Шахнович, изучающих становление и современное состояние классической феноменологии религии; А. П. Забияко и М. А. Пылаева, сосредоточивших внимание на характерных специфических категориях религиоведения. Обзор обширнейшей литературы свидетельствует о том, что как во времена возникновения, так и сейчас оформившееся как самостоятельная дисциплина религиоведение не имеет единого и самостоятельного метода.

Стоящий у истоков новой науки М. Мюллер находился, пожалуй, в более выигрышном положении по сравнению с современными исследователями, в растеряннос-